

Хюгле

или

УЮТНОЕ СЧАСТЬЕ ПО-ДАТСКИ

КАК Я ЦЕЛЫЙ ГОД
БАЛОВАЛА СЕБЯ «УПИТКАМИ»,
УЖИНАЛА ПРИ СВЕЧАХ
И ЧИТАЛА НА ПОДОКОННИКЕ

ХЕЛЕН РАССЕЛЛ

Хелен Расселл

Хюгге, или Уютное счастье по-датски. Как я целый год баловала себя «улитками», ужинала при свечах и читала на подоконнике

«ЭКСМО»

2015

УДК 304.3(489)
ББК 60.56

Расселл Х.

Хюгге, или Уютное счастье по-датски. Как я целый год баловала себя «улитками», ужинала при свечах и читала на подоконнике / Х. Расселл — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-95302-8

Променять Лондон и работу в Marie Claire на датский городок с населением 6000 человек?! Сначала она твердо сказала «НЕТ». Но потом... муж так мечтал поработать в LEGO. И еще было безумно интересно, как в стране с такой скверной погодой и запредельными налогами живут самые счастливые люди на планете? Согласившись на авантюру с переездом в Данию, Хелен Расселл твердо решила применить свой талант и опыт журналиста и в течение года обязательно выяснить: как правильно заниматься хюгге (что бы это слово ни означало); как есть булочки не поправляясь (и не расплачиваться за другие удовольствия тоже); как стать по-датски счастливым (даже если вы родились на другом конце света).

УДК 304.3(489)
ББК 60.56

ISBN 978-5-699-95302-8

© Расселл Х., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Искусство быть счастливым	6
Об авторе	8
Пролог	9
1. Январь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Расселл Хелен
Хюгге, или Уютное счастье по-
датски. Как я целый год баловала
себя «улитками», ужинала при
свечах и читала на подоконнике

Helen Russell

THE YEAR OF LIVING DANISHLY: UNCOVERING THE SECRETS OF THE WORLD'S
HAPPIEST COUNTRY

Copyright © 2015 Helen Russell

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Посвящается Рыжику, Лего-Мену и женщине в лыжном
комбинезоне и берете.*

Искусство быть счастливым

«Почти идеальные люди»

Весь мир сходит с ума по «Хюгге», но так ли идеальна скандинавская философия? Английский журналист Майкл Бут прожил в скандинавских странах более 10 лет и пришел к выводу, что в мире слишком идеализируют эти страны. Читайте честную книгу о настоящих скандинавах: вы узнаете правду об их жизни и поймете, почему Скандинавские страны стали такими успешными в экономическом и социальном отношении.

«Куриный бульон для души. 101 лучшая история»

Феномен в истории книгоиздания – более 500 000 000 проданных копий! Эта удивительная книга – мудрость и утешение в любом возрасте. Она наполнена идеями и открытиями – воспользоваться ими может каждый, стоит только захотеть улучшить свою жизнь. Маленькие истории исцеляют душевные раны и укрепят дух, дадут вашим мечтам новые крылья и откроют секрет самого большого счастья – счастья делиться и любить.

«Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни»

Лидер на Amazon.com! После обычной уборки через пару дней у вас дома снова бардак. Мари Кондо – самый востребованный в мире консультант по наведению порядка. По методу КонМари вы убираетесь ОДИН РАЗ И НАВСЕГДА. Вы не только получите ценные знания по уборке, но и сможете изменить свою жизнь.

«Искры радости. Простая счастливая жизнь в окружении любимых вещей»

Настоящая жизнь начинается только после того, как вы приведете в порядок свой дом. Мари Кондо – известный во всем мире японский консультант по наведению порядка и автор абсолютного бестселлера «Магическая уборка» – представляет свою вторую книгу.

Вас ждут пошаговые инструкции в картинках: как складывать одежду, как организовать вещи в шкафах и комодах, и как почувствовать радости жизни в окружении любимых людей и вещей.

Об авторе

Хелен Расселл – журналистка, бывший редактор журнала Marie Claire UK. Сейчас живет в сельской местности на полуострове Ютландия; работает корреспондентом газеты Guardian и ведет колонку о Дании для Telegraph. Хелен выступает с лекциями, в которых делится своим пониманием счастья, и рассказывает слушателям о переменах в своей жизни и новых начинаниях. Вы держите в руках ее первую книгу. В настоящее время Хелен работает над новым проектом. Загляните на ее страничку в Twitter: [@MsHelenRussell](#).

Пролог

Перемены: проект «Счастье»

Все началось почти банально. Несколько недель кряду моросил дождь, над Лондоном нависла серая хмарь – город выглядел мрачно и был каким-то потрепанным, как и я сама. «А ведь где-то есть другая жизнь» – эта мысль настигала меня каждое утро по дороге в офис. Она неотвязно преследовала меня спустя двенадцать часов, когда по узким улочкам я возвращалась домой, где меня ожидала пара часов неурочной работы либо подготовка к завтрашним мероприятиям в офисе.

Я работала редактором в глянцевом журнале и чувствовала себя обманщицей. Целыми днями я наставляла своих читательниц, как гармонично сочетать работу с личной жизнью, добиваться успеха, сохранять душевное спокойствие и здравость ума, заниматься спортом, следовать модным тенденциям в одежде, наконец, излучать сияние и радость. При этом сама я до сих пор выплачивала студенческий кредит, а в течение дня, чтобы поддерживать тонус, поглощала лошадиные дозы кофеина и не могла заснуть без бокала «Совиньон блан»¹.

Воскресными вечерами предстоящая рабочая неделя вызывала у меня привычное чувство тоски. День ото дня нарастало искушение выключить будильник и понежиться утром в постели. Больше десяти лет я трудилась в индустрии моды и красоты. Но вот парадокс: получив работу, которой долго добивалась, осознала, что счастья она мне не прибавила, лишь работать пришлось гораздо больше.

Мои устремления превратились в ускользающую цель: стоило мне приблизиться к результату, как возникали новые задачи, которые накрывали меня с головой. Перечень жизненных приоритетов – того, в чем я нуждалась и что *необходимо* сделать, все время расширялся, а мои силы уже не соответствовали возрастающим амбициям. Синдром хронической усталости стал моим постоянным спутником, и собственная жизнь казалась хаотичной и разбитой. Я вечно бралась за множество дел и с завидным упорством не справлялась с многозадачностью.

Мне тридцать три года – возраст Христа. У меня есть работа, квартира, муж. И отличные друзья. А еще собака сомнительной породы, которая, как мы надеялись, придаст нашему суетному городскому быту немного загородной расслабленности. В общем, нормальная жизнь. Я бы даже назвала ее хорошей, если не считать головной боли, sporadической бессонницы, хронического тонзиллита, не поддающегося лечению после месяца приема антибиотиков, и простуд, случавшихся с периодичностью раз в две недели. Но ведь это знакомо многим, не так ли?

Раньше сумасшедший ритм города вызывал во мне прилив адреналина. Когда работаешь в яркой позитивной команде, скучать не приходится. Рабочий день расписан буквально по минутам. Я жила в одном из самых потрясающих мест на планете, и рядом находились любимые друзья. Но после двенадцати лет бурной столичной жизни и не менее интенсивной жизни в квартале на севере Лондона я вдруг почувствовала упадок сил.

Было еще одно обстоятельство. Два года я ходила по врачам; они осматривали и ощупывали меня, ежедневно делали гормональные инъекции, и с каждым месяцем мое состояние духа падало. Мы с мужем пытались завести ребенка, но у нас ничего не получалось. Когда в офисе начинали собирать деньги на подарок очередной сотруднице, отправлявшейся в декретный отпуск, у меня наворачивались слезы. Невозможно скрыть свои эмоции, глядя на очередной детский комбинезончик, если все твое существование пронизывает мысль о ребенке и трижды в неделю ходишь на процедуры, чтобы приблизиться в заветной мечте.

¹ «Совиньон блан» – популярный сорт белого вина (здесь и далее примеч. ред.).

Надо мной начали подшучивать, дескать, нужно поспешить, ведь я уже не первой молодости, говорили, что «мой поезд может уйти». В ответ я широко, до боли в челюсти, ослепительно улыбалась, но с трудом сдерживалась, чтобы не нагрубить. Из-за процедур мне пришлось изменить график работы, и, чтобы управиться с делами, приходилось жертвовать свободным временем. Работа позволяла мне оставаться финансово независимой и поддерживать тот образ жизни, о котором, как мне казалось, всегда мечтала.

Почти каждый вечер муж возвращался домой в ярости на весь мир. Он проклинал плохих водителей и пробки на дорогах; ему приходилось по полтора часа добираться до работы и столько же времени тратить на обратный путь. Переступая порог, он тут же валился на диван и до самого сна впадал в телевизионную кому.

Муж мой – блондин, серьезный мужчина, в его облике есть что-то от учителя физики. В детстве он был очень обаятельным, однажды его даже пригласили на съемку рекламы молочного шоколада. Впрочем, сняться ему не удалось, роль досталась другому ребенку, но тот день муж запомнил навсегда: впервые в жизни ему довелось поиграть с приставкой Nintendo, которую прихватил с собой какой-то мальчик. Вдобавок ему разрешили съесть столько шоколада, сколько он захочет, а такие удачи в его жизни случались редко.

Родители мужа с недоверием относились ко всяким новым гаджетам и старались привить сыну вкус к классической музыке, живописи и прогулкам на свежем воздухе. Могу себе представить, каково было их разочарование, когда в восемь лет мой будущий муж заявил, что его любимая книга – каталог Argos². Над этим увесистым томом он мог просиживать часами, зачарованно изучая электронные девайсы и конструкторы «лего», о которых мечтал. Родителям уже тогда следовало бы понять, что их ожидает.

В моей жизни он появился в тот момент, когда я почти попрощалась с надеждой на личное счастье. Незадолго до этой встречи меня бросил жених, прямо на свадьбе (честное слово!). Потом состоялось незабываемое свидание: пригласивший меня на ужин кавалер так увлекся трансляцией футбола по телевизору, что в итоге вместо ресторана просто заказал пиццу на дом.

Признаюсь, когда познакомилась со своим будущим мужем и он сказал, что сам приготовит ужин, я на многое не рассчитывала. Однако ужин удался – был даже жульен в кокотнице! К тому же мой новый знакомый оказался умным, добрым и приятным в общении мужчиной. Когда я рассказала маме о нашей встрече, она была потрясена.

– Такую партию нельзя упускать, – сказала мне мама. – У него есть кокотницы, и он знает, что с ними делать! Это большая редкость!

Мы поженились через три года. Он покорило мое сердце тем, что часто старался развеселить меня, ел мою стряпню и не жаловался, когда я прочесывала его дом в поисках сладостей. Но вместе с тем муж вызывал во мне ужасное раздражение. Практически каждый день он что-то терял – то ключи, то бумажник, то телефон, а иногда все сразу, при этом был органически неспособен приходить вовремя и обладал кошмарной привычкой, которая могла вывести из себя любого: по полчаса сидел в туалете! («Ты что, ремонт там затеял?!» – возмущалась я.)

Тем не менее нам было хорошо вместе. Мы сумели наладить совместную жизнь, и, несмотря на постоянное посещение докторов, вечные переживания по этому поводу и финансовые проблемы в конце месяца (потому что в *начале* месяца кто-то слишком много тратил!), мы любили друг друга.

Я мечтала, что когда-нибудь мы переедем жить за город, будем работать, встречаться с друзьями, ездить в отпуск, а потом выйдем на пенсию. И представляла себя британской Джессикой Флетчер³, героиней телесериала «Она написала убийство»: буду сочинять детективы и

² Argos – популярный британский интернет-магазин.

³ Джессика Флетчер работала учительницей английского языка, а с выходом на пенсию занялась написанием детективных романов под именем Джей Би Флетчер.

раскрывать загадочные преступления, а потом пить чай, наслаждаясь счастливой развязкой. В общем, в моих фантазиях пенсия рисовалась как очень приятное времяпрепровождение. Но когда я поделилась своими мечтами с мужем, они его не впечатлили.

– И это все? – сказал он. – Так все живут!

– Ты меня не *слушаешь*! – возмутилась я. – Ты что, не слышал про Джессику Флетчер?

И тут муж неожиданно объявил, что ему на самом деле хотелось бы когда-нибудь поселиться за границей.

– За границей? – я отказывалась верить собственным ушам. – Ты имеешь в виду «не в этой стране»?

– Именно!

– О!

Не могу о себе сказать, что не люблю приключений. В юности моя жизнь была весьма бурной. Однако теперь мне хотелось стабильности, и, когда передо мной маячила перспектива чего-то необычного, я всегда стремилась быстрее вернуться в зону комфорта. Меня даже напрягал выбор нового блюда из привычного меню. Но, как оказалось, мужу нужно было нечто большее, и это меня пугало. Я начала тревожиться, что не смогу соответствовать его ожиданиям. Так он заронил в душу зерно сомнения.

Однажды, в дождливый вечер, муж сказал, что подумывает о переходе на новую работу. В другой стране.

– Что?! Когда ты подал документы? – всполошилась я.

– Сегодня утром, – ответил муж и показал мне полученное днем электронное письмо, в котором некто спрашивал, интересуется ли его переезд... в Данию. В страну пирожных, бекона, независимых героинь женских романов – и любимой детской игрушки моего мужа. Собственно говоря, именно изготовители маленьких пластиковых деталей и нуждались в услугах моего мужа.

– *LEGO*?! – мой разум сопротивлялся в это поверить. – Ты хочешь, чтобы мы переехали в Данию и ты мог работать в их компании?!

Это что, розыгрыш? Или мы перенеслись в комедию с Томом Хэнксом, в которой у взрослых сбываются мечты детства? И что будет дальше? “*Sylvanian Families*”⁴ провозгласит меня королевой леса, а “*My Little Pony*”⁵ примчится с приглашением стать правительницей конного царства? Что, черт возьми, происходит?

Муж покачал головой и сказал, что сам ничего не знал до сегодняшнего дня. Неожиданное предложение поступило от агента по трудоустройству, к которому он когда-то обратился. И хотя это не то, к чему мой муж столь страстно стремился, но, раз уж так получилось, может, стоит его обсудить?

– Ну, пожалуйста? – взмолился он. – Ради меня? Я бы сделал это ради тебя! И в следующий раз мы переедем ради твоей работы, обещаю!

Подобные обещания не казались мне справедливым обменом: муж прекрасно знал, какова моя мечта – осесть в милом маленьком городке рядом с трассой М25 и постепенно превращаться в Джессику Флетчер. Дания никогда не входила в мои планы.

Однако мужа это предложение, похоже, всерьез зацепило. Всю следующую неделю мы говорили только об этом. И чем больше мы обсуждали вероятный переезд, тем глубже я начала понимать, как много значит для него эта возможность. Если не поддержу его всего через год после свадьбы, что ждет наш брак? Неужели я могу стать причиной решения, о котором

⁴ *Sylvanian Families* – игровой набор в виде животных производства японской компании Epoch.

⁵ *My Little Pony* – пластиковые лошадки с длинными гривами, которые можно расчесывать; популярные игрушки от американского производителя Hasbro.

мы впоследствии будем оба сожалеть? Разве я хочу обидеть своего мужа? Я же его люблю! И дала согласие подумать.

В следующие выходные мы отправились в Данию, где посетили «Леголенд»⁶. Нас страшно забавляло, как медленно там передвигаются машины. Мы ворчали по поводу цены на обычный сэндвич. Однако имелись и плюсы: в парке была идеальная чистота, датские пирожные выше всяких похвал, а местность выглядела очень живописно, хотя и не так колоритно, как норвежские фьорды.

Бросалось в глаза, насколько датчане не похожи на нас. Они казались спокойными, двигались гораздо медленнее, не скупилась на время, чтобы остановиться и просто полюбоваться окрестностями или насладиться свежим воздухом.

Мы вернулись домой и привычно погрузились в повседневную суету. Вопреки моим стараниям, мысль о переезде не выходила у меня из головы. Возможность кардинально изменить свой образ жизни не давала мне покоя, хотя совсем недавно я была готова лишь стоически смириться с грядущими переменами. Проект «Джессика Флетчер» сам собой переключал на задний план, и я уже начала сомневаться, продержусь ли в том же темпе еще лет тридцать.

От моего желания провести половину жизни в ожидании пенсии (даже самой восхитительной) пахнет средневековой затхлостью. В конце концов, я же не крепостная, которая обязана трудиться в поле, пока не рухну от изнеможения. На дворе XXI век. Моя жизнь должна быть прекрасной, приятной, даже простой, и сам факт, что в возрасте тридцати трех лет я начала мечтать о пенсии, явно свидетельствовал о необходимости что-то изменить в привычном укладе.

Я не могла припомнить, когда в последний раз расслаблялась – по воле организма, без алкоголя и прописанных врачом лекарств. Я думала: *«Если мы переедем в Данию, то сможем избавиться от бремени постоянного стресса... Будем жить у моря. Сможем каждый день гулять с собакой по пляжу. Нам не придется больше ездить в метро. Просто потому что там, куда мы переедем, его не будет».*

Увидев жизнь, не похожую на нашу, мы оказались перед выбором: оставаться в привычном мире или решиться на что-то совершенно новое. И решение нужно было принять немедленно.

Мой муж, страстный почитатель всего скандинавского, был покорен Данией. Но я более сдержанный человек и как журналист хотела для начала побольше узнать об этой стране.

На тот момент я судила о Дании по сериалам «Убийство» и «Правительство». Из чего сделала вывод: эту страну заливают нескончаемый дождь и людей там убивают на каждом углу. Тем не менее Дания пользовалась популярностью у туристов, и сотрудники сайта «Посетите Данию» уверяли, что количество обращений увеличилось на двадцать шесть процентов. Я узнала, что эта крохотная скандинавская страна сумела добиться впечатляющих коммерческих успехов. В Дании работают такие компании, как Carlsberg (по-моему, это лучшее пиво в мире!), Arla⁷ (занимает седьмую позицию среди компаний – производителей молочных продуктов; в том числе выпускает масло “Lurpak”), Danish Crown (именно отсюда поставляется большая часть английского бекона) и, конечно, LEGO – крупнейший производитель игрушек в мире. Согласитесь, неплохо для страны с населением в пять с половиной миллионов человек (примерно столько же людей проживает в Южном Лондоне).

– Пять с половиной миллионов! – воскликнула я, прочитав эту информацию.

В квартире были только я и собака, но даже мой пес проявил интерес к беседе, издав недоверчивый звук. Или он просто чихнул?

⁶ Первый в мире тематический парк развлечений «Леголенд» был открыт в Биллунде (Дания), на родине конструктора LEGO в 1968 году. В настоящее время датский «Леголенд», построенный из более чем 46 млн кубиков LEGO, является самым крупным в мире.

⁷ Arla Foods – датско-шведская компания, крупный производитель молочных продуктов.

– Разве пять с половиной миллионов человек могут населять целую страну? – спросила я у пса. – Это всего лишь население города средних размеров! Интересно, а зачем им *собственный язык*?

Пес твякнул, словно давая понять, что подобный вопрос выше его понимания, но я уже переключилась на дальнейшее чтение. Оказывается, Дания считается самой дорогой страной в Евросоюзе (согласно данным Центрального статистического бюро Ирландии), и граждане там платят запредельные налоги. А это значит, что и нам придется столько же платить. *Замечательно! В конце месяца мы будем еще беднее, чем сегодня...* Однако на суверенную датскую крону можно получить фантастическую систему социального обеспечения, бесплатные медицину и образование (включая высшее!), субсидии на содержание детей и пособие по безработице, которое гарантированно будет составлять восемьдесят процентов вашего заработка в течение двух лет.

Дания относится к числу стран с наименьшим разрывом между доходами самых бедных и самых богатых. И хотя ни одна страна мира еще не достигла полного гендерного равенства, Дания значительно приблизилась к этой цели благодаря усилиям премьер-министра (на тот момент, когда я писала книгу, этот пост занимала женщина) и множеству других женщин, работающих на ответственных государственных постах. В отличие от США и Великобритании, где женщины до сих пор получают за равный труд меньшую плату, чем мужчины, и постоянно слышат призывы поумерить свои потребности и больше работать, в Дании можно жить, как тебе заблагорассудится, и чувствовать себя при этом прекрасно. Здесь женщины не занимаются самобичеванием, если им чего-то не удалось добиться в жизни. «Что ж, – подумала я. – Это неплохо!»

Если в Соединенных Штатах и Великобритании мы выступаем за повышение оплаты труда, то в Скандинавии отстаивают право на увеличение свободного времени. Здесь люди хотят больше времени проводить с семьей и отдыхать, стремятся к более разумному балансу работы и отдыха. Данию часто упоминают как страну с самой короткой продолжительностью рабочей недели. Судя по последним данным, датчане в среднем работают по 34 часа в неделю (для сравнения: британцы трудятся в среднем 42,7 часа в неделю). Вместо того чтобы работать на износ и тратить свой заработок на поддержание различных сфер своей жизни (начиная с приготовления еды и заканчивая уборкой, уходом за садом и даже циклеванием полов), датчане предпочитают обслуживать себя сами.

Дании принадлежит внушительное количество мировых рекордов. В Копенгагене находится лучший ресторан в мире – “Noma”⁸. Датчане считаются самой надежной нацией, и они совершенно не терпят иерархии. Но больше всего меня поразило не это. Наше потенциальное место жительства было официально признано *самой счастливой страной мира!* По данным ООН, величина внутреннего валового продукта на душу населения, большая продолжительность жизни, отсутствие коррупции, высокий уровень социальной поддержки, свобода выбора и свойственная населению щедрость позволили соседям Дании – Норвегии и Швеции – занять весьма почетные места в списке самых счастливых стран мира.

Но Дания превосходит даже их. По оценке английского статистического бюро, Дания признана самой счастливой страной мира и уже на протяжении сорока лет удерживает первое место по показателям индекса благополучия и счастья, который рассчитывается Еврокомиссией. Эта информация, несомненно, весьма привлекательна.

Тема счастья – это святой Грааль для любого журналиста, освещающего вопросы образа жизни. Все мои статьи в той или иной мере были связаны с погоней за этой недостижимой целью. С того момента, как в начале 1990-х годов я украсила свой армейский рюкзак стихами

⁸ Noma – известный ресторан скандинавской кухни. В «Красном гиде Мишлен» ему присвоили две звезды из трех возможных.

одной из песен R.E.M.⁹, мне всегда хотелось принадлежать к числу ярких и счастливых людей. (Что ж, принимаю упрек в коммунистической пропаганде, но ведь мне тогда было всего двенадцать!)

Я знала, что счастливые люди зарабатывают больше, обладают хорошим здоровьем и у них гармоничная личная жизнь. Они даже *пахнут* иначе! Все стремятся к счастью, верно? Мы тратим на достижение этой цели уйму времени и денег. Когда я писала эту книгу, индустрия «селф-хелп» («самопомощь». – *Ред.*) в США оценивалась в 11 миллиардов долларов и принесла английским издателям за пять лет 60 миллионов фунтов. Потребление антидепрессантов за последние пятнадцать лет увеличилось на 400 процентов. Сегодня эти медикаменты занимают третье место в мире по частоте их назначения врачами (после препаратов от повышенного уровня холестерина и обезболивающих средств). Даже те немногочисленные счастливчики, которые никогда не принимали таких препаратов или не держали в руках книг, обещающих поднять им настроение, использовали для той же цели еду, алкоголь, кофеин, кредитную карточку, наконец.

Но можно ли купить счастье? Я почти физически ощущала гнев богов глянцевого журналов, готовых обрушить на мою голову страшную кару за подобное святотатство. А что, если счастье – это процесс, который необходимо осуществлять? Нечто такое, на что нужно настроить свой разум и тело? И именно датчане до этого додумались?

Одно из преимуществ работы журналиста заключается в том, что на жизнь он зарабатывает «вынюхиванием». Мне удалось побеседовать с огромным количеством интересных людей под предлогом проводимого исследования – прекрасное оправдание для самых въедливых вопросов. И узнав о существовании датского «экономиста счастья» Кристиана Бьернскова¹⁰, я тотчас связалась с ним. Он подтвердил мои подозрения относительно того, что наши северные соседи идут к счастью отнюдь не путем трат (а ведь моя жизненная стратегия на 90 процентов опиралась именно на такое видение!).

– Датчане не считают, что покупки приносят счастье, – объяснял мне Кристиан. – Большая машина в Дании означает лишь то, что ее владельцу придется платить больший налог. А уборка просторного дома отнимет больше времени.

По сути, о том же говорил и Notorious B. I. G.¹¹: огромное богатство порождает ненужные тревоги. Согласно моему любимому приложению Google Translate, по-датски это звучит так: *“mere penge, mere problemer”*¹². Что же удерживает на плаву датские корабли? В чем секрет счастья этих людей? Я с изрядной долей скептицизма заявила Кристиану, что датчане, вероятно, ощущают себя настолько счастливыми просто потому, что они весьма непритязательны.

– Это полнейшее заблуждение, – мгновенно парировал он. – Принято считать, что датчане счастливы, потому что у них низкий порог ожидания.

Однако опрос, проводившийся в Дании в рамках общеевропейского исследования, показал обратное: ожидания датчан весьма высоки, хотя и реалистичны.

– То есть датчане счастливы вовсе не потому, что их реалистические ожидания удовлетворяются, а потому, что их *высокие* ожидания реалистичны?

– Именно так! Дания считается очень прогрессивным государством. Она стала первой в мире страной, где были официально признаны гей-браки, и первой европейской страной, где официально разрешено менять пол без стерилизации. Не думайте, что это характерно для всех скандинавских стран, – продолжал Кристиан. – В Швеции, например, многие жизненные проблемы по-прежнему остаются под запретом, в частности гомосексуализм или решение

⁹ R.E.M. – американская рок-группа.

¹⁰ Кристиан Бьернсков – профессор экономики из Университета Орхуса, второго по величине города в Дании.

¹¹ Кристофер Джордж Латор Уоллес – американский хип-хоп-исполнитель, выступавший под псевдонимами The Notorious B. I. G., Biggie и Biggie Smalls.

¹² «Больше денег, больше проблем».

женщины не иметь детей. Но в Дании тридцатилетняя женщина совершенно спокойно может заявить о своем нежелании иметь детей. Никто ее за это не осудит и не сочтет ее поведение отклонением от нормы. Подобный уровень социального конформизма мало где можно встретить.

Конечно, это не означает, что среднестатистический датчанин не проявляет конформизма в других сферах.

– Мы очень похожи, – сказал Кристиан. – Существует своеобразная униформа, связанная с возрастом и гендерной принадлежностью.

Женщины моложе сорока лет обычно носят обтягивающие джинсы, свободные футболки, кожаные куртки и искусно повязанные шарфы. Свои светлые волосы они собирают в пучок или просто распускают по плечам. Мужчины моложе тридцати носят узкие джинсы, высокие кроссовки, футболки с рисунками или надписями и куртки-бомберы в стиле 1990-х. В прическах преобладают короткие стрижки. Мужчины и женщины старшего возраста отдают предпочтение рубашкам поло, удобной обуви, слаксам и пиджакам или жакетам. И абсолютно все носят квадратные очки в черной оправе.

– Но спросите у датчан, что они считают приемлемым, и вы получите самые разные ответы, – продолжал Кристиан. – В Дании не так много вещей, которые воспринимаются обществом как странные и недопустимые.

Кристиан объяснил, что датчане не реагируют серьезно на социальные различия, и в качестве примера привел свой теннисный клуб. Мне сразу пришли на ум роскошные теннисные клубы в стиле Хэмптона¹³, чай со льдом на Лонг-Айленде и плохие фильмы Вуди Аллена, но Кристиан мгновенно меня поправил:

– В Дании принадлежность к спортивному клубу не отражает социального статуса – туда приходят ради занятий спортом. Многие датчане являются членами спортивных клубов. Я регулярно играю в теннис с учителем, продавцом из супермаркета, столяром и бухгалтером. Датчане все равны. Иерархия не имеет никакого значения.

Но существует понятие, которое важно для каждого датчанина. Это доверие.

– В Дании мы доверяем не только родным и друзьям, но также и прохожим на улицах, и это меняет нашу жизнь и дает ощущение счастья. В ходе опросов мы вновь и вновь убеждаемся: у датчан уровень доверия весьма высок. На вопрос: «Как вы думаете, можно ли доверять большинству людей?» – более 70 процентов датчан отвечают утвердительно. На остальном европейском пространстве доля таких ответов составляет чуть более трети.

Это показалось мне удивительным, поскольку лично я не доверяю даже 70 процентам моей расширившейся после заключения брака семьи. Еще больше меня изумили слова Кристиана о безопасности: датчане считают, что их дети находятся в полной безопасности, и оставляют коляски с младенцами без присмотра на улице возле домов, кафе и ресторанов. Велосипеды здесь никто не запирает на замки, а окна оставляют открытыми. И все это возможно потому, что датчане доверяют друг другу, своему правительству и системе в целом.

У Дании мизерный военный бюджет, и хотя служба в армии является обязательной, страна не сможет защитить себя в случае агрессии. Но поскольку у Дании прекрасные отношения с соседями, нет опасности возникновения вооруженного конфликта.

– Жизнь становится намного проще, когда доверяешь людям, – сказал Кристиан.

– Этому способствует сложившаяся в Дании система социального обеспечения?

– Да, в определенной степени. Когда все равны и государство всем помогает, причин для недоверия становится гораздо меньше.

¹³ Подразумевается морской стиль для загородного дома, характерный для Хэмптона, курортного городка в пригороде Нью-Йорка.

– А что может произойти со страной, если к власти придут правые? Или если казна опустеет? Что случится с пресловутым датским ощущением счастья, если государство перестанет всем помогать?

– Понимание счастья в Дании *не зависит* от системы социального обеспечения, правления социал-демократов и нашего положения в мире, – объяснил Кристиан. – Датчане хотят, чтобы их воспринимали как толерантное, равноправное, счастливое общество. Дания первой из европейских стран запретила рабство. Мы добились поразительного прогресса в области гендерного равенства. Женщины были избраны в состав датского парламента в 1918 году – это первый подобный опыт в мире. Мы всегда гордились нашей репутацией и изо всех сил старались ее поддерживать. Ощущение счастья в Дании – подсознательный процесс, который проявляется в каждой грани нашей культуры.

После разговора с Кристианом идея переехать в Данию стала казаться мне почти привлекательной. Неплохо получить возможность подумать и просто ощутить жизнь. Какое-то время пожить по-датски. Когда муж вернулся с работы, я произнесла каким-то чужим, робким голосом:

– Э-э-э... Ну хорошо... Я подумала... Давай поедem.

Услышав эти слова, мой Лего-Мен, как его будут называть в скором времени, прямо на кухне исполнил странный танец робота. Потом схватил телефон, набрал номер агента по трудоустройству и закричал, что согласен на переезд. На следующий день муж пришел домой с бутылкой дорогого шампанского и позолоченным брелком в виде фигурки LEGO. Он торжественно преподнес мне брелок, который я приняла с благодарностью и воодушевлением. Мы выпили шампанского, подняв тост за наше будущее:

– За Данию!

Из отдаленной, казавшейся невозможной или, по крайней мере, маловероятной перспективы созрел вполне конкретный план. Мы начали заполнять всякого рода документы, вести переговоры с агентами по организации переезда и стали сообщать знакомым о своих намерениях. Реакция людей была удивительной. Кто-то нас поддерживал. Многие говорили, что я отчаянная (на самом деле это неправда). Кто-то даже сказал, что поступил бы так же. Многие искренне изумились нашему решению. А моя подруга процитировала мне Сэмюэля Джонсона: «Если вы устали от Лондона – значит, вы устали от жизни». Другой приятель без тени юмора заявил: «Говорите всем, что едете на девять месяцев. Скажете, что на год, вам никто не будет писать – все подумают, что вы уехали навсегда». Прекрасно! Вот спасибо!

Когда я уходила со своей престижной, очень гламурной работы, реакция была примерно такой: «Ты с ума сошла? Тебя уволили? Хочешь стать домохозяйкой?!» На что я отвечала: «Возможно. Нет. Определенно нет!» Коллегам я объясняла, что намереваюсь работать фрилансером и писать о здоровье, образе жизни и счастье, а также присылать свои репортажи из Скандинавии в английские газеты. Кое-кто по секрету признался мне, что тоже подумывает о фрилансе. Другие идею не одобрили. Один коллега откровенно назвал мое решение «карьерным самоубийством». Раньше идея переезда в Данию меня лишь немного настораживала, но услышав этот приговор, я пришла в ужас.

– Что я наделала?! – стонала я по несколько раз на дню. – А вдруг ничего не выйдет?!

– Не выйдет – значит, не выйдет, – прагматично реагировал на мои стоны Лего-Мен. – Мы едем всего на год. Если не понравится, вернемся домой.

Для него все было просто. И мы будем просто глупцами, если не воспользуемся шансом.

И вот после прощального дня на работе я пришла домой и убрала платья, блейзеры и туфли на высоченных каблуках, которые были моей рабочей одеждой на протяжении десяти лет. Я паковала их надолго. На новом месте все это мне не понадобится.

В субботу в нашу крохотную квартирку пришли шесть здоровенных грузчиков и первым делом попросили кофе и шоколадного печенья. К этому времени мы уже упаковали свои вещи

в 132 коробки, грузчики уложили их в контейнер, и он отправился в путь – в далекую датскую глубинку. Свершилось. Мы переезжаем. И едем не в уютный анклав экспатов¹⁴ в Копенгагене. Как Лондон нельзя считать подлинной Англией, так и Копенгаген не передает облик истинной Дании. Мне это было точно известно. Там, куда мы направлялись, не нужны телефонный справочник, проездной на метро или дисконтная карта Karl Geiger. Там потребуются резиновые сапоги и прочный плащ-дождевик. Мы отправлялись на «Дикий Запад» Скандинавии – в сельскую Ютландию¹⁵.

В городке Биллунд, расположенном в южной части полуострова, проживает всего 6100 человек. Да у меня в Facebook больше друзей! В этом городке располагается головной офис LEGO, парк «Леголенд» и... впрочем, насколько мне известно, ничего примечательного там больше нет.

– Ты едешь в место, которое называется «Белл-Энд»? – то и дело спрашивали меня родные и друзья. Я со счета сбилась, сколько раз мне пришлось повторять: «*Биллунд*. В трех часах езды от Копенгагена».

Если собеседник проявлял интерес, я рассказывала о том, как в 1930-е годы начало этому городку положил плотник по имени Оле Кирк Кристиансен. В духе сказок Ганса Христиана Андерсена он овдовел и остался с четырьмя детьми, которых надо было кормить. Оле начал мастерить деревянные игрушки, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. А потом стал выпускать пластиковые детали, которые назвал «лего» (от датского *leg godt* – «игра с удовольствием»). Мой муж как раз и собирался работать на известного игрушечных дел мастера. Любопытствующие тотчас вспоминали, что в их семьях тоже есть любители этого детского конструктора. Тех же, у кого детей не было, интересовали возможности для занятий зимними видами спорта.

– В Дании ведь холодно?

– Да. Это же Балтика. Там всегда холодно.

– Значит, вы сможете кататься на лыжах или сноуборде?

– Я точно могу. Но не в Дании.

И я сообщала своему собеседнику, что самая высокая точка этой страны расположена всего на высоте 171 метр над уровнем моря, и чтобы покататься на горных лыжах, нужно ехать в Швецию.

– Но это же все равно Скандинавия? – вопрошали те, кто рассчитывал найти в нашем доме бесплатное шале. И я с удовольствием говорила: к моему глубокому сожалению, ближайший курорт располагается в 250 километрах от нашего нового места жительства.

Многие знакомые никак не могли уразуметь, в какую именно северную страну мы отправляемся. Мы получали множество открыток с надписью «Удачи в Финляндии!», а мама рассказывала знакомым, что мы уезжаем в Норвегию. В общем, особой разницы они не видели. Сам факт переезда из Лондона в сельский район Скандинавии рассматривался как потрясение устоев системы.

Когда контейнер увезли, у нас оставались лишь чемодан с необходимой одеждой и содержимое бара, которое нельзя было взять с собой из-за таможенных ограничений. Мы решили устроить небольшую прощальную вечеринку. На деле оказалось, что пить трехлетний лимончелло из пластикового стаканчика в холодной опустевшей комнате совсем не так приятно, как можно было бы подумать. Гостям пришлось пить стоя или сидя на полу, а их голоса эхом отдавались в пустых комнатах.

¹⁴ Экспат – сленговое название для иностранных специалистов.

¹⁵ Ютлândia – полуостров в Европе, разделяющий Балтийское и Северное моря. Площадь около 40 тыс. кв. км. Северная часть полуострова принадлежит Дании, а южная – Германии.

В общем, ощущение праздника нас не посетило. Никакого драматического прощания, как это нередко преподносят в кино. У большинства людей продолжалась обычная жизнь. Наш отъезд из страны опечалил лишь самых близких друзей и родных. Остальные просто зашли в гости. Один из друзей прихватил с собой маффины и термос с чаем (к тому времени у нас не было ни чайника, ни даже чая в пакетиках). Меня так тронула эта забота, что я расплакалась. Другой приятель подготовил коллаж из наших общих фотографий, а третий привез надувной матрас, чтобы нам было на чем спать в последнюю ночь.

Сырая квартира с балконом, без всякой мебели, в зимнюю ночь вызывает приступ печали. Мы с трудом устроились на довольно узком надувном матрасе и попытались заснуть, стараясь не столкнуть друг друга на жесткий деревянный пол. По размеренному дыханию Лего-Мена я поняла, что он уснул. А вот мне не спалось. Я напряженно уставилась на трещину на потолке в форме вопросительного знака, которую мы давным-давно хотели заделать. Мне казалось, что все потеряно, и ощущала себя самозванкой в этой квартире и разведенкой, хотя мы лежали, тесно прижавшись друг к другу. Этой ночью между нами ничего не было. Целую вечность я смотрела на вопросительный знак на потолке, а потом уличные фонари погасли, и все окутала тьма.

На следующий день вместе с родными и самыми близкими друзьями мы пообедали в кафе по соседству. Там были стулья и тарелки! Настоящий рай! Конечно, мы плакали – я, моя мама и школьная подруга, у которой после рождения близнецов появилась переносимость алкоголя. Там были пиво, джин и множество подарков, которые должны были поднять нам настроение. Через несколько часов подъехало такси, и мы отправились в аэропорт. Неожиданно мне захотелось прокатиться по Лондону, чтобы запечатлеть в памяти каждый мерцающий фонарь на набережной. Хотелось запомнить все это надолго – кто знает, когда снова увижу все это! Но таксист попался без сантиментов. Он врубил какой-то мощный американский рэп и распечатал новый освежитель воздуха.

Мы ехали молча. Я снова и снова прокручивала в голове план действий. «Действуй, и тогда некогда будет грустить!» – эта маниакальная философия преследовала меня вот уже тридцать три года. В мои тщательно выверенные планы входила интеграция в датское общество. Мне хотелось понять Данию и постичь все то, что делает ее жителей такими счастливыми. До этого момента традиционные новогодние пожелания у меня сводились к обещанию активно заниматься йогой, прочитать Стивена Хокинга¹⁶ и сбросить несколько килограммов.

Но в этом году решение было одно: «жить по-датски» – я даже изобрела новую нордическую поговорку для нашего проекта. В течение ближайших двенадцати месяцев мне предстоит изучить все аспекты датской жизни. Буду общаться со специалистами, заклинаю их, чтобы они поделились со мной секретами пресловутого датского счастья и объяснили, каким образом датчанам удается жить по-своему, не так, как остальной мир.

Последние дни накануне отъезда я просматривала прогноз погоды в Дании каждый час. В связи с этим возник мой первый вопрос: *как датчанам удастся быть такими счастливыми, если у них каждый день минус десять градусов?* Мысль о том, как прожить после уплаты налогов, породила второй вопрос: *как при 50-процентном налоге можно чувствовать себя счастливыми?* Лего-Мен вел себя стоически. Его не смущали грядущие лишения. Он предпочитал думать о великих достижениях скандинавского дизайна и не волноваться по поводу бытовых проблем. *А может, на настроение нации оказывает влияние особенная датская эстетика? Или у них просто повышенный уровень дофамина¹⁷ от поедания чудесных пирожных и тортов?*

¹⁶ Стивен Уильям Хокинг – английский физик-теоретик и популяризатор науки, профессор математики в Кембридже; изучал теорию Большого взрыва и природу черных дыр.

¹⁷ Дофамин – нейромедиатор, вырабатываемый в мозге людей и животных; вызывает чувство удовольствия.

Мои мысли перескакивали от образования к защите окружающей среды, от генетики – к гинекологическим креслам (серьезно!), от семьи – к еде. (А вы когда-нибудь пробовали свежие датские пирожные? Это просто чудо. Как тут не порадуешься жизни?) Во мне появилась решимость отыскать ключ к счастью во всех сферах жизни. Каждый месяц я буду узнавать что-то новое и, соответственно, изменять собственную жизнь. Я включилась в личный и профессиональный квест, чтобы выяснить: что именно помогает датчанам быть счастливыми. В итоге я смогу открыть тайну счастливой жизни – по крайней мере, надеюсь это сделать. Проект «Счастье» стартовал.

Чтобы каждый из моих учителей вдохновлял меня личным примером, я попрошу их оценить свой уровень счастья по шкале от нуля до десяти, где «десять» означает полное счастье, а «ноль» – абсолютное несчастье, а все прочие деления отражают промежуточные состояния. Меня как человека, который всегда оценивал собственную жизнь на вполне респектабельную «шестерку», эксперимент увлек. И хотя в каждой открытке, полученной после ухода с работы, мне советовали жить, как Джулия Эндрюс¹⁸, то есть находить радость во всем, я очень скоро поняла, что между синдромом хорошей девочки, готовой всем угодить, и настоящей любовью к себе есть огромная разница.

Во время нашей беседы с Кристианом я спросила, как он оценивает собственное счастье, и мой собеседник признался, что даже истинная «датскость» не делает жизнь идеальной, но потом добавил: «Свой уровень счастья я оценил бы на “восьмерку”». Неплохой результат. А что могло бы сделать «профессора счастья» еще более счастливым? «Подружка», – мгновенно ответил он. Так что если вы мечтаете встречаться с одиноким датским профессором, обратитесь к издателю, и вы получите заветные данные. Всем остальным я расскажу, как стать счастливыми по-датски.

¹⁸ Джулия Эндрюс – знаменитая британская актриса, певица и писатель; обладательница премий «Эмми», «Грэмми», «Золотой глобус» и «Оскар».

1. Январь

Хюгге и дом

Мы стояли в крошечной тьме на пустой взлетной полосе, а сверху на головы сыпалось что-то мягкое и холодное. До этого мы летели на самолете – теплом, шумном, ярком, а теперь нас толкали и обходили другие пассажиры, спешившие на автобусы; нас потирали сотрудники аэропорта. В воздухе о нас заботились стюардессы в красивых темно-синих формах, предлагали нам леденцы и небольшие баночки «швепса», а здесь оказались предоставлены сами себе. Стоя на подмерзшем асфальте, мы будто попали в вакуум. Конечно, рядом были какие-то люди, но мы никого не знали, и все они говорили на непонятном нам языке. Взлетное поле блестело, словно его посыпали кристалликами соли, а воздух был просто ледяным: я чувствовала, как он царапает мне горло при каждом вздохе.

– И что дальше? – попыталась спросить я, но хлопья снега мешали говорить.

У меня замерзли уши, и за неимением шапки я прикрыла их волосами. Это оказалось правильным решением, но слышать стало еще труднее. Губы Лего-Мена шевелились, но я не могла разобрать слов, и мы побрели, ориентируясь на указатели.

– Туда? – крикнул муж, указывая на белое здание, стоящее впереди. Я подняла большие пальцы (жест из 1980-х, когда я училась в колледже) и крикнула в ответ:

– О'кей!

Женщина с сумкой на колесиках обогнала нас и решительно направилась к небольшому квадратику света впереди. Мы последовали за ней, проклиная падающий снег. Никакого шаттла, никаких крытых переходов – викинги все делают по-своему.

Муж сжал мою обледеневшую руку, и я попыталась улыбнуться, но, поскольку зубы у меня стучали от холода, вместо улыбки получилась гримаса. Я знала, что будет холодно, но не до такой степени! Мы пробыли на балтийском воздухе всего полторы минуты, а я уже продрогла до костей. Из носа вот-вот потечет, но вдруг покалывание прекратилось, и я вообще перестала чувствовать собственный нос. *Боже, я что, отморозила нос в Дании?* Внутри аэровокзала стало немного легче, а стоя в ожидании паспортного контроля у меня уже горели руки и ноги, так было жарко в помещении.

Мы прошли мимо огромного плаката с рекламой знаменитой марки пива. «Добро пожаловать в самую счастливую страну!» – приветствовала нас реклама. «Ну-ну, – подумала я, – посмотрим...»

Мы никого здесь не знали, не говорили по-датски, и нам негде было жить. Вся эйфория от новой жизни в новом году сменилась тоскливым ощущением: «Вот черт! Это все происходит на самом деле!» Двухдневное похмелье после затянувшихся проводов и обеда с возлияниями перед отъездом не способствовали улучшению настроения.

Мы вышли из зала прилетов в непроглядную темень ночи и стали озиаться в поисках нашей арендованной машины, но сделать это оказалось нелегко. Снег занес номера, и нам, словно полицейским, пришлось провести изыскания. В конце концов мы нашли нужную комбинацию букв и цифр и по неверной стороне дороги поехали прямо в «Леголенд». На трассе попадались незнакомые нам дорожные знаки, припорошенные снегом, поэтому несколько раз мы сворачивали не туда, куда нужно. Но нам все же удалось добраться до места, которое на ближайшие несколько ночей должно было стать прибежищем.

– Добро пожаловать в отель «Леголенд»! – приветствовал нас портье, высокий широкоплечий блондин с ослепительной улыбкой.

Он безупречно говорил по-английски, и я немного расслабилась. Кристиан уверял, что большинство датчан владеют европейскими языками, но меня предупреждали, что в сель-

ской местности, где мы собственно и оказались, дело может обстоять иначе. Но пока все шло хорошо.

- Мы поселим вас в номере «Принцесса», – продолжал портье.
- «Принцесса»? – зачарованно переспросил Лего-Мен.
- Это что, президентский съют? – спросила я с надеждой в голосе.
- Нет, – улыбнулся портье. – Просто *тематический* номер.

Развернув монитор в нашу сторону, он показал нам комнату в пастельных тонах, где стояла розовая кровать с изголовьем, сделанным из пластиковых замковых башенок.

- Понимаете?
- Вау! Ну да, понимаем...
- Номер построен из 11 960 деталей «лего»...
- Да, да, мы понимаем... Дело в том...
- И там есть двухъярусная кровать! – с гордостью добавил портье.
- Это отлично, но дело в том, что у нас нет детей...

Портье на мгновение смутился, но быстро овладел собой и продолжил:

- А стены украшены бабочками!

Я подумала, что он вот-вот предложит нам кубок, наполненный слезами единорога, поэтому попыталась деликатно его остановить:

– Все это замечательно, но нам просто не нужно ничего такого... изысканного. У вас нет номера попроще?

Портье, нахмурившись, уставился на доску с ключами. Потом, просияв, радостно спросил:

- Может, вам подойдет «Пиратский» номер?

Свою первую ночь на новой родине мы спали под огромным «портретом» «Веселого Роджера». Все вокруг было разукрашено попугаями, испанскими песо и прочими атрибутами пиратского колорита. А утром Лего-Мен вышел из ванной с черной повязкой на глазу! Впрочем, при свете дня все оказалось не столь мрачно. Так обычно и бывает. Мы отдернули шторы, и перед нами предстал яркий, белоснежный новый мир. Пришлось даже проморгаться, прежде чем в глазах появилась резкость. Нас ожидал впечатляющий завтрак – шведский стол с неизменной маринованной сельдью. После завтрака мы взбодрились и приготовились впитывать различные аспекты администрирования жизни, необходимые для существования в новой стране. И вот мы уже на улице.

Погода изменилась. Вместо мягких хлопьев в духе фильмов Ричарда Кертиса¹⁹ нас встретила метель наподобие вихря в сувенирном шаре, который трясет злобный малыш. Мне показалось, что ветер продувает со всех сторон и снег валится отовсюду, поэтому мы вернулись в отель, натянули на себя всю одежду, что была у нас в чемодане, и рискнули высунуть нос на улицу только спустя час. Наши фигуры стали напоминать человечка Мишлен, но теперь мы были подготовлены к встрече нового дня.

В машине, взятой в аренду, я судорожно пыталась убедить себя, что рычаг переключения коробки передач находится не слева, а справа, и значит, ехать нужно по правой полосе. Лего-Мен в это время читал письмо из службы персонала. Детальное описание процедуры занимало десять страниц, но это была, как нам сообщили, лишь первая часть документа.

– Во-первых, – объявил Лего-Мен, – нам потребуется удостоверение личности. Без него в Дании нас *формально* не существует.

¹⁹ Ричард Уолли Энтони Кертис – британский кинорежиссер, сценарист, продюсер, актер и писатель, получивший Орден Британской империи и награжденный премиями BAFTA и «Эмми». Как сценарист и продюсер, наиболее известен по своим романтическим комедиям «Четыре свадьбы и одни похороны», «Ноттинг Хилл» и «Мистер Бин».

Выяснилось, что паспортная система, отмены которой бритты добились в 2010 году после продолжительной борьбы, является неотъемлемой частью датской жизни. С 1968 года каждый гражданин страны зарегистрирован в Центральном регистре населения с присвоением уникального идентификационного номера, который складывался из даты рождения и еще четырех цифр шифра. Последняя цифра у женщин четная, а у мужчин – нечетная. Номер отпечатан на желтой пластиковой карточке, которую «СЛЕДУЕТ ВСЕГДА ИМЕТЬ ПРИ СЕБЕ» (сотрудник службы персонала особо выделил это требование). Такие номера необходимо предъявлять во всех случаях жизни – от открытия банковского счета и получения медицинской страховки до аренды помещений и даже при пользовании библиотекой. (Если, конечно, мы сможем читать на датском, или узнаем, где находится библиотека, или хотя бы как по-датски сказать «библиотека».) У меня даже будет штрихкод, по которому в случае надобности можно получить мою медицинскую карту.

Все это казалось вполне разумным и эффективным и, разумеется, совсем несложным, если только знать, что надо делать или хотя бы как добраться до бюро, где следует зарегистрироваться. Решение этой задачи заняло у нас все утро, но нам еще повезло. Тем, кто приезжает в Данию из стран, не входящих в Евросоюз, приходится месяцами ждать своих карточек резидента, которые нужно обновлять каждые два года. Если вы побаиваетесь бюрократии, не стоит становиться иммигрантом.

Затем нам полагалось открыть банковский счет. В местном (и единственном) банке нас тепло приветствовал симпатичный мужчина с короткой стрижкой и в характерных скандинавских квадратных очках. Он представился как Алан и указал на свой бейджик. Я обратила внимание, что «Аллан» написано с двумя «л», на датский манер. Аллан сказал, что будет обслуживать наш счет, а потом предложил кофе и придвинул к нам коробку с шоколадом. Не успела я подумать, насколько цивилизованно и дружелюбно принимают нас в датском банке – английским до такого обслуживания далеко, – как он спросил:

– Правильно ли я понимаю, что в Дании у вас денег нет?

– Нет, – покачал головой Лего-Мен. – Мы только вчера приехали и еще не начали работать. Вот мой контракт, договор о зарплате и детализация выплат. Видите?

Он протянул банковскому клерку кучу документов. Аллан внимательно их изучил.

– Отлично, – вынес он свой вердикт. – Я выдам вам Dankort.

– Прекрасно! Спасибо! А что это такое? – спросила я.

– Это национальная дебетовая карта Дании, на которую вы сможете положить свои деньги. Разумеется, она действительна только на территории Дании. И никакого овердрафта, никаких кредитных карт.

– Никаких кредитных карт?!

В Англии предложения о выдаче кредитной карты сыпались на меня с того момента, когда я окончила школу и еще не имела ни пенни. То ли это следствие глобального экономического кризиса, то ли что-то еще, но пользование кредитными картами для моего поколения являлось важнейшим правом человека. Своеобразный пластиковый атрибут современной жизни. А теперь нам объявляют, что у нас не будет кредитной карты!

– Никаких кредитных карт! – спокойно повторил Аллан. – Но вы можете брать наличные, когда они у вас появятся, с помощью этого документа.

Он протянул нам старомодную карточку сберегательного счета.

Наличные! Я не держала в руках купюры с 2004 года! И при этом жила как королева: у меня была синяя карточка NatWest, с помощью которой удовлетворяла свою склонность к покупке непрактичных туфель. А теперь я попала в мир наличных денег с забавными зелеными, розовыми и фиолетовыми бумажками, напоминающими деньги из игры «Монополия», и странными серебристыми монетами с дырочкой посередине! Я даже не знаю названий цифр по-датски! Аллана это обстоятельство не волновало.

– С помощью этой карточки (он указал на лежащие перед нами кусочки пластика с таким видом, словно мы должны быть безмерно благодарны ему за высокое доверие) вы можете зарегистрироваться в интернет-банке и получить доступ к правительственным сайтам.

Это прозвучало невероятно торжественно. Я уже стала подумывать, что мы говорим о чем-то секретном, вроде ЦРУ, но Аллан пояснил:

– Ну, то есть оплачивать счета и все такое...

Поскольку банковский счет у нас уже имелся (хотя и пустой), мы могли начать официально подыскивать себе жилье. Наш агент должен был помочь нам в поисках. Однако до встречи с ним оставалось несколько часов, и Лего-Мен предложил порыскать по какому-нибудь городку приличных размеров на тот случай, если игрушечный городок нам не подойдет.

Мы колесили по скромным улочкам Биллунда, застроенным однотипными домами, напоминавшими какую-то игрушечную военную базу. Я решила, что этот город нам не подходит, в надежде, что другой окажется посимпатичнее. Настроение у меня поднялось, когда показались элегантные особняки из красного кирпича и муниципальные здания, мощеные улицы и любопытные магазинчики, соседствующие с известными сетевыми брендами. Городок напоминал скандинавскую разновидность Гилдфорда²⁰. Прошло немного времени, и мы начали гадать, не случился ли здесь ядерный апокалипсис? Может, об этом объявляли, а мы не среагировали?

– Здесь ни души... – Я посмотрела на часы: – *Уже двадцать минут мы не видели ни одного человека!*

– Правда?

– Да. Единственное, что хоть как-то напоминало человека за все это время, скульптуры нагих людей с кошачьими и лошадиными головами в странном фонтане, который мы проехали пару кварталов назад.

Миниатюрная порноверсия Аниты Экберг в фонтане «Треви» в центре города?²¹ Лего-Мен покрутил пальцем у виска, показывая тем самым, что он вовсе не ожидал увидеть здесь оживленный торговый центр.

– Вот-вот. Именно! Порнографические пони и кошечки с сосками.

– Угу...

Как мы впоследствии узнали, эта скульптура была воздвигнута в честь Франца Кафки. «Он, наверное, был бы очень горд», – подумала я. Мы проехали мимо нескольких магазинов – все они были или закрыты, или пусты. Дома казались нежилыми. Кое-где в окнах мерцало пламя свечей.

– Но ведь это ненормально, правда? – пробормотала я. – Где все?!

– Я... не знаю...

Я заглянула в свой телефон, чтобы узнать новости. Об атомном взрыве ничего не сообщалось. О начале третьей мировой войны не упоминалось. Никакая эпидемия не разразилась. Судя по всему, угроза неминуемой гибели миновала. Лего-Мен предложил зайти куда-нибудь попить кофе, чтобы согреться. Но мы не смогли найти паб, или бар, или что-нибудь еще, что показалось бы нам открытым и не напоминало «Макдоналдс» или «кебабную». Позже нам все же удалось отыскать пекарню, где подавали кофе. Я предложила Лего-Мену заказать «всего по одному» – надеялась, что углеводы нас взбодрят.

В зале никого не было, и мы в нерешительности остановились, ожидая, что нас обслужат. Однако женщина за стойкой не обращала на нас ни малейшего внимания.

– Здравствуйте! – я рискнула проявить инициативу, но она отвела взгляд и занялась выкладкой булочек в витрине.

²⁰ Гилфорд – город в Юго-Восточной Англии, административный центр графства Суррей; расположен в пригороде Лондона.

²¹ Речь идет о знаменитой сцене в фонтане из кинофильма «Сладкая жизнь» Федерико Феллини.

Лего-Мен тоже попытал счастья, указывая ей на разные булочки и поднимая брови (универсальный знак «Можно мне вот эту штучку?»). В конце концов женщина оторвалась от своего занятия и посмотрела на нас. Мы улыбнулись, а она – нет. Вместо этого она указала на дисплей, висящий над ее головой, где горели цифры «137», а потом – на автомат, выдающий талоны, и что-то сказала по-датски. Мы ничего не поняли.

Я не пыталась купить ветчину у мясника в 1980-е годы! Просто хотелось булочек. И намеревалась купить их у нее. В пустом магазине. Она действительно хочет, чтобы я взяла талон? Или она показывает, что уже обслужила 136 человек? Или в этом городе живет всего 136 душ?

Дама, решительно сложив руки на груди, словно говорила своим жестом: «Играйте по правилам, иначе никаких сдобных булочек не получите». Что ж, я умею признавать поражение. Развернувшись, сделала три шага направо, взяла в автомате маленький белый талон с номером «137» и вернулась к стойке. Женщина кивнула, взяла мой талон и опустила руки, показывая, что теперь можно приступить к нормальному обслуживанию.

Мы сделали заказ, и тут Лего-Мену позвонил любезнейший представитель службы персонала. Муж отошел к автомату молочных коктейлей, чтобы поговорить, а я с заказанными булочками выбрала для нас столик.

– Не начинай без меня, – строго приказал муж, прикрыв микрофон рукой.

У него были основания для волнений. Он отлично знал, что меня нельзя подпускать к булочкам ближе чем на сотню метров. Мой живот издал жадное урчание. Даже не знаю, как мне удалось удержаться, чтобы не откусить хоть кусочек до возвращения мужа. Желая отвлечься от вожделенных булочек, я набрала в Google запрос: «Дания, новая страна, культурный шок» и принялась за кофе.

Я знаю, что датчане пьют больше кофе, чем в любой другой европейской стране, а также потребляют 11 литров чистого спирта на душу населения в год. Как знать, может, нам здесь и понравится... Более полезным для меня оказался сайт, посвященный культурной интеграции, от Пернилле Чаггар. Решив, что консультант по вопросам культурной интеграции – это именно то, что нужно для начала жизни по-датски, я приступила ко второй чашке крепкого местного кофе. Я тотчас позвонила Пернилле и попросила ее принять участие в моем проекте «Счастье». Она любезно согласилась, и мне даже не пришлось брать талон, чтобы перезвонить ей позже.

Пернилле очень удивилась, когда узнала, что из Лондона мы переехали в сельский район Ютландии, и посочувствовала нам, что это случилось в январе.

– Зима – тяжелое время года для иностранцев, – сказала она. – В Дании это время уютной, семейной жизни. Все сидят за закрытыми дверями. С ноября по февраль датчане кутаются. Не удивляйтесь, если на улицах будет малолюдно, особенно в сельских районах.

Прекрасно!

– Значит, вот где они все! А чем они занимаются?

– Они занимаются *хюгге*, – ответила Пернилле. Мне показалось, у нее в горле что-то застряло.

– Простите, что?

– *Хюгге*. Это такое датское слово.

– И что оно означает?

– Трудно передать словами. Все датчане это понимают. Такое уютное время...

Непонятно.

– Это глагол или существительное?

– И то, и другое, – ответила Пернилле. – *Хюгге* означает «сидеть дома, в уютной обстановке, при свечах».

Я поделилась своими впечатлениями о пустынных улицах и огоньках свеч, которые мы заметили в некоторых окнах. Пернилле повторила, что люди сидят по домам и предаются *хюгге*. Свечи – неотъемлемый атрибут датской жизни.

В пересчете на душу населения датчане сжигают больше свечей, чем жители любой другой страны мира.

– Но *хюгге* – это скорее концепция жизни. Пекарни – это тоже *хюгге*...

«Бинго!» – подумала я, глядя на блюдо с булочками.

– Ужин с друзьями тоже *хюгге*. Можно устроить себе время *хюгге*. И часто оно связано с алкоголем...

– Класс!

– *Хюгге* имеет отношение к погоде и еде. Когда на улице плохая погода, так приятно устроиться дома с вкусной едой, теплым освещением и хорошими напитками. В Англии вы встречаетесь и общаетесь в пабах, а в Дании мы делаем это дома, в кругу друзей и семьи.

Я сказала Пернилле, что у нас пока нет ни дома, ни друзей, и, если не произойдет чего-то экстраординарного и моя мама не решит, что Беркшир слишком перенаселен, то семейного круга у нас здесь тоже в ближайшем будущем не появится.

– Как же новому человеку устроить себе *хюгге* в датском стиле?

– Никак.

– О...

– Это невозможно.

Я приготовилась впасть в отчаяние и опустить руки, когда Пернилле поправила себя, добавив, что это все же возможно, *если* приложить определенные усилия.

– Для недатчан *хюгге* – это своего рода путешествие. Австралийцы, британцы и американцы более привычны к общению с иммигрантами. Они более открыты для новых людей и сами начинают разговор. Мы же, датчане, не мастера вести светские беседы. Зимой мы просто забываемся в свою норку. – Надежда моя угасала, но она добавила: – Весной будет лучше.

– Отлично. А когда у вас начинается весна?

– Официально? В марте. Но на самом деле в мае. *Замечательно!*

– Понятно. – После нарисованной Пернилле печальной картины я не могла удержаться от вопроса: – Принимая во внимание сказанное вами, как же быть с исследованиями, согласно которым Дания – самая счастливая страна в мире? Вот вы счастливы?

– Счастлива? – В голосе Пернилле явственно чувствовался скепсис. Я ожидала, она скажет, что датское счастье сильно преувеличено, неожиданно она произнесла: – Я бы оценила свое счастье на «десять» из десяти. Датская культура идеально подходит для воспитания детей. Она лучшая в мире. Не могу придумать более достойного места для своей семьи. У вас есть дети?

– Нет.

– О... – В этом возгласе Пернилле явственно почувствовалось нечто вроде: «ну, в таком случае, вы в полной заднице...», а потом она добавила: – Тогда удачи вам с *хюгге*!

– Спасибо.

Лего-Мен вернулся с улицы. Губы у него посинели, и он слегка дрожал. Муж заявил, что игрушечных дел мастер и его эльфы готовы принять нового сотрудника, и он сможет приступить к работе, как и планировалось, через полторы недели, когда мы обустроимся. Я заметила, что устроиться будет не так легко, как нам казалось, и пересказала свой разговор с Пернилле.

– Любопытно... – протянул муж, когда я все выложила ему.

Мы немного помолчали, глядя на блюдо с роскошными булочками, стоявшее перед нами. Через несколько минут Лего-Мен выпрямился, снял очки и положил их на стол.

Потом откашлялся, словно готовился сказать нечто очень важное.

– Интересно, а как *датчане* называют свои булочки?

Он взял одну и начал ее рассматривать.

– Не поняла...

– Ну, они же не могут называть их «денишами»²², верно?

– Точно подмечено!

Следуя британской традиции и стараясь не заикливаться на возможных разочарованиях и одиночестве нашего нового существования, мы с энтузиазмом обсуждали что угодно, только не то, что нас действительно тревожило. Лего-Мен погрузился в Google, а я раскрыла наш единственный путеводитель в поисках ответа.

– О, посмотри-ка! – указала я на страницу. – Обычно булочки здесь называют *wienerbrod*, то есть «венский хлеб». Датские пекари даже устроили забастовку, когда работодатели наняли на работу австрийцев, которые, как оказалось, умеют готовить потрясающие булочки. А потом, когда булочки отправились в Америку...

– Как?

– Что – как?

– *Как* они отправились?

– Ну не знаю – на *корабле*! С личным булочным паспортом! В общем, когда они появи-
лись в Штатах, их стали называть «датскими», и это название прижилось.

Читать дальше я не стала, потому что Лего-Мен уже принялся набивать свой желудок, и я решила не отставать от него.

– Вот эта называется *kanelsnegle*, «улитка с корицей», – муж указал на круглую сдобную булочку, посыпанную корицей.

Он только что откусил добрую половину. Я взяла оставшуюся половинку, пока он не прикончил ее, и мгновенно впилась в нее зубами. Полный восторг. Мои вкусовые сосочки ожили, и волна дофамина буквально захлестнула меня.

– *Потрясающе*... – простонала я, не в силах оторваться от выпечки.

Эта «улитка» не имела ничего общего с суховатыми снаружи и клеклыми внутри «денишами», которые я ела дома. Булочка была одновременно и воздушной, и сдобной. Она имела многогранный, яркий вкус, который раскрывался постепенно – от сладости до острых ноток. Булочка была с хрустящей корочкой, а внутри мягкая и немного вязкая от начинки. Я как будто перенеслась в другой мир, где все сделано из сахара, никому не приходится работать, а все люди улыбаются. Мгновенно уничтожив остаток «улитки», я замерла в восторге от своего неожиданного открытия.

²² Буквально: изготовленные в Дании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.